

Пропавший голос

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Какая же она огромная, эта Москва. Идешь-идешь, а ей конца-края не видно. Уже и ноги затекли, и шея по сторонам крутиться устала, а до метро еще шагать и шагать. В родном Мурманске все иначе. Проще, что ли, привычнее. А может, дело не в размерах? Может, ноги отказываются идти от того, что на сердце груз в три тонны? Нести его тяжело, больно и страшно. Но она выдержала бы, знать бы только, туда ли несет?

В Москву Зинаида Гилимовна попала впервые. Прежде у нее не было нужды по столицам раскатывать, да и желания такого не возникало. В Мурманск она приехала в восемь лет. Отец устроился на судоремонтный завод и перевез всю семью из пыльных степей Казахстана в легендарный северный город-порт. Здесь Зиночка Ахметова окончила десятилетку, вышла замуж за красавца-капитана Виталия Лахновского, родила дочь и считала себя абсолютно счастливым человеком.

А вот дочь Зинаиды Гилимовны Мурманск ненавидела всеми фибрами души. Не по душе ей здесь было буквально все: воздух, природа, дома, люди, пища, обычаи и традиции, и даже безобидные привычки местных жителей. Олюня, папина дочка, не знала отказа ни в чем и была возвращена на рассказах отца, капитана дальнего плавания, о европейских городах, о нравах, культуре и высоком уровне жизни их обитателей.

Олюня мечтала, как вырастет и переедет в столицу, а там, кто знает, быть может, и в Европу переберется. Главное, вырваться из этого захолустья, пропахшего мороженой рыбой и солью.

Отец всячески поддерживал стремление дочери, а потом, в один прекрасный день, взял и умер. Остались они один на один с суровой действительностью. Олюне тогда едва четырнадцать сравнялось.

Зинаиде Гилимовне в ее тридцать три с хвостиком пришлось идти работать на рыбокомбинат. А куда еще пойдешь, если образование — десятилетка, а опыт работы — ноль дней, ноль часов?

Олюню семейная трагедия повергла в шок. Два года она ходила, как сомнамбула, ни желаний, ни стремлений. Потом потихоньку начала в себя приходить. Окончила школу, попыталась поступить в какой-то московский институт, но с треском провалилась. Ей пришлось вернуться в ненавистный Мурманск. Здесь она училась, получила специальность социального педагога.

Когда Олюня примчалась к матери и заявила, что прошла отбор, уезжает в Москву и будет там петь, Зинаида Гилимовна восторга не испытала, но дочь поддержала. Любая мать на ее месте поступила бы точно так же. А как иначе, если появился первый за пять лет проблеск надежды на то, что дочь наконец-то обретет почву под ногами, найдет стимул жить и радоваться жизни? Опасения она все же высказала, но Олюня чмокнула ее в щеку, чего не делала с детсадовского возраста, и заверила в том, что в случае неудачи тут же вернется домой.

Шесть месяцев Олюня покоряла столицу, сто восемьдесят дней трудилась по двадцать часов в сутки. Короткие послания урывками, звонки раз в месяц по тридцать секунд. А потом это...

После смерти кормильца финансовое состояние семьи Лахновских оставляло желать лучшего. Какие-то сбережения у Зинаиды Гилимовны имелись, но даже Олюня знала, что это на самый крайний случай. Уезжая в столицу, дочь заверила мать в том, что деньгами ее поддерживать не придется. Дескать, сама не маленькая, разберусь.

Спустя две недели в Мурманск пришло первое послание с просьбой выслать денег. Зинаида Гилимовна понимала, что жизнь в столице стоит дорого, а ей одной больших денег не нужно. Упрекать дочь она не стала, просто выслала столько,

сколько та просила. После этого просьбы такого рода начали приходиться регулярно, и Зинаида Гилимовна все их удовлетворяла.

Но сумма, которую дочь запросила в очередной раз, превышала месячный доход женщины раз в десять. Даже в неприкосновенной кубышке столько не было. Олюня не могла не знать об этом. Так почему она просит у матери то, что она ей дать не может?

Зинаида Гилимовна рассердилась, потом расстроилась, а в конце концов решила, что с нее хватит. Она поедет в Москву, поговорит с дочерью и заберет ее домой.

Сказано — сделано. На комбинате она оформила отпуск, благо отгулов у нее накопилось прилично, купила билет на самолет и через два с половиной часа была в столице. Адрес дочь еще перед отъездом написала на листке и положила в шкатулку.

Интернетом Зинаида Гилимовна пользовалась редко, но здесь не поленилась, карту изучила, маршрут от аэропорта проложила, так что сложностей не ожидала. Однако они сами собой организовались.

До станции метро «Марьино» она доехала быстро, там прошла до парка, дальше двинулась по Поречной улице, невдалеке от православного храма свернула во дворы, там спросила у людей, правильно ли выбрала маршрут. Ей подтвердили, мол, все верно, Перервинский бульвар как раз здесь и находится.

Дом женщина тоже быстро нашла, а вот дальше все перевернулось с ног на голову. По тому адресу, который был указан в записке, квартиры никто не сдавал. Ольгу, приехавшую из Мурманска, здесь знать не знали.

Зинаида Гилимовна вышла во двор, села на скамейку, стала думать.

«Может, номер дома указан неверно? Или квартира? Я название улицы не так прочитала? А вдруг в Москве несколько бульваров с одинаковым названием? Есть проезд, тупик, или что там еще бывает? Надо искать. Не может быть, чтобы за столько месяцев дочь не сказала мне, что жилье сменила. — Мать достала записку, минут десять вертела ее так и эдак, а толку ноль. — У Олюни почерк на удивление красивый и разборчивый. Даже второпях она всегда пишет аккуратно.

Что же теперь делать? Куда идти? Вернуться в Мурманск, не повидавшись с дочерью, я уже не могу.

Ее номер у меня есть, но позвонить ей я не могу. Она не ответит на вызов. Ведь у Олюни теперь все по-новому, по-современному. Мобильные телефоны — прошлый век. Так она мне заявила, как только в Москве обосновалась. Дескать, теперь только лохи за сотовую связь платят, настоящие москвичи пользуются интернет-сервисами, будь они неладны.

Спокойно, Зинаида, без паники. Нет такой проблемы, которую ты не решила бы, — по привычке, обретенной после смерти мужа, принялась убеждать себя Зинаида Гилимовна. — Уж если ты нашла в себе силы Виталика в могилу опустить, то и с этим справишься».

Муж для Зинаиды Гилимовны был целой вселенной, ее воздухом, солнцем, жизнью. Его смерть означала конец всему. Так она думала, чувствовала и принимать удар судьбы совершенно не желала.

«Но у меня осталась Ольга. Это, как ни крути, обязывает меня забыть о своих страданиях и стать для дочери надежной опорой. Тогда, много лет назад, стоя у могильной плиты, я поклялась мужу, что буду сильной. Ради него, дочери, себя. Наверное, пришло время исполнять эту клятву.

Да вот только с чего начать? Сидя на скамейке, проблему точно не решишь. И совета спросить не у кого, нет у меня в столице друзей-приятелей. Сердце подсказывает, что с дочерью случилась беда, причем такая, которую своими силами не исправишь. Шесть месяцев она в чужом городе. Одному богу известно, что за столь долгий срок ей пришлось пережить. Ох, Олюня, доченька, и чего тебе в родном доме не жилось?»

Тут будто в ответ на немой крик матери в ее сумке заработал телефон. От неожиданности Зинаида Гилимовна вздрогнула, через мгновение сообразила, что это такое, потянулась к сумке, достала мобильник, взглянула на дисплей и вздрогнула. На экране высветилось имя дочери.

К общению с ней она была совершенно не готова. Что говорить? Как реагировать? Рассказать про свое открытие или сделать вид, что ничего не произошло?

Зинаида Гилимовна сжимала в руке телефон. Время шло, а она никак не могла сообразить, как себя вести. Сигнал пре-

рвался, и женщина тут же пожалела о своей медлительности. Вдруг звонок очень важен для дочери? А если он вообще последний?

— Не смей даже думать об этом! — Приказ, отданный самой себе, прозвучал вслух, но Зинаида Гилимовна этого не заметила.

Случайный прохожий оглянулся, покрутил пальцем у виска и поспешил дальше.

Зинаида Гилимовна сделала глубокий вдох.

«Нет, так дело не пойдет. Соберись немедленно, время для паники еще не пришло».

Не успела Зинаида Гилимовна перевести дух, как телефон зазвонил вновь. На этот раз она ответила без задержки.

— Привет, доченька, — произнесла мать бодрым голосом. — Я уж думала, пропущу звонок. Пока руки вытерла, кнопку нащупала, ты уже и сбросила вызов.

— Привет. У меня времени в обрез. Ты как?

Голос дочери звучал, как из космоса, с примесью посторонних металлических звуков, так, будто эти слова произносил не живой человек, а робот. Ольга как-то говорила, что программа так все искажает, но привыкнуть к этому Зинаида Гилимовна за полгода так и не смогла.

— Я в порядке. Вот уборкой решила заняться, — ответила Зинаида Гилимовна. — Октябрь в этом году на редкость сыкотный. Только полы помоешь, и можно по новой начинать.

— Что насчет денег?

Нетерпение в голосе дочери обескураживало мать. Откуда вдруг? Никогда Олюня до денег охочей не была, а тут подступила, как с ножом к горлу.

— Оленька, ты же знаешь, какая у меня зарплата, — сказала Зинаида Гилимовна и вздохнула. — Третьего дня Ванька Рыжий набедокурил, так нас без премии оставили. Ты бы хоть сказала, для чего тебе вдруг понадобилась такая прорва денег.

— Надо. Срочно! — отрезала дочь. — Если бы могла обойтись, то...

Окончание этой фразы Зинаида Гилимовна не услышала. Какой-то посторонний шум заглушил речь дочери.

Мать дождалась, пока он утихнет, и попыталась вразумить Ольгу.

— Если Москва тебе так дорого обходится, то, может, вернешься домой? — робко проговорила она. — Вдруг я не наберу тебе денег?

— Только не говори мне, что у тебя их нет! — заявила дочь. — От этого мое счастье зависит, а ты жмешься.

— Счастье? Разве оно стоит денег? — Материнское сердце вскипело. — Groш цена такому счастью, которое за деньги покупают.

— Брось! Не начинай. — Теперь в голосе дочери звучало заметное раздражение. — Мне за квартиру плату подняли, и еще я костюмы заказала. Сумма по столичным расценкам мизерная.

— А ты все там же живешь? На бульваре? Запоматиовала название, — внезапно спросила Зинаида Гилимовна.

— Там же, где еще? Почему ты спрашиваешь?

— Да просто так. Думала, может, стоит подешевле что поискать. — Зинаиде Гилимовне показалось, что в ее голосе зазвучали настороженные нотки, и она вдруг испугалась, что ступила на запретную территорию. — Наверное, не обязательно у этих киношных жильё внаем брать. У других людей оно может быть дешевле.

— Откуда тебе знать? Не умничай. Просто помоги мне...

Помехи стали такими сильными, что проглотили все остальные слова из этой фразы, но Зинаида Гилимовна переспрашивать не стала. Она вдруг четко осознала, что разговаривает не с Ольгой. Не может ее дочь так с ней поступать. Не она это, да и все тут!

Она пообещала достать деньги, наскоро закончила разговор, убрала телефон в сумку и призадумалась. Что могло произойти с ее послушной дочерью, а главное, как ей помочь? Она понимала, что нужно идти в полицию, но куда именно? Все ее познания на этот счет ограничивались некогда популярным фильмом про Глеба Жеглова и знаменитой, благодаря ему, Петровкой.

«Значит, пойдём туда», — решила Зинаида Гилимовна, поднялась со скамьи и отправилась на станцию метрополитена.

— Командировка? В Мурманск? С чего это вдруг она тебе понадобилась?

— Вашими стараниями, товарищ генерал, исключительно ими самыми!

— Ты мне тут не умничай! По командировкам моих распоряжений не было, тем более в Мурманск. Насколько я помню, речь шла о московском деле, разве нет?

— Как выяснилось, нет.

Спор между полковником Гуровым и его непосредственным начальником генерал-лейтенантом Орловым происходил в кабинете последнего, за четверть часа до окончания рабочего дня, первого в этой неделе. Для генерала день оказался не самым удачным. Он мечтал лишь о том, чтобы тот наконец-то закончился. Но тут на пороге появился Гуров, и о спокойном завершении вечера можно было забыть.

Гуров и сам готов был рвать и метать. Он пришел на службу в восемь утра, рассчитывал не просто на размеренный, наполненный неспешной бумажной работой день, но, при определенной доле везения, на целую спокойную неделю. А что в итоге? Суток не прошло, как его мечты рассыпались, словно карточный домик. Причем с подачи того самого человека, который обещал ему заслуженный отдых и более-менее легкую неделю.

— Докладывай! — Генерал понял, что быстро от Гурова не отделается, и откинулся на спинку кресла, предполагая, что доклад будет долгим. — Посмотрим, что там за проблема.

Он не ошибся, полковнику Гурову было чем поделиться с начальством. Без четверти два он вернулся с обеденного перерыва, который против своего обыкновения провел в кафетерии, расположенном на соседней улице. Возле стойки дежурного по управлению стояла немолодая на вид женщина. Дамская сумка необъятных размеров висела на левой руке. Правой эта особа яростно жестикулировала, пытаясь донести до понимания дежурного всю важность событий, которые привели ее сюда.

Дежурный с утомленным видом внимал словам женщины, старательно делал вид, что проблемы, о которых она говорила, важны для него так же, как и для нее. Получалось у него не очень, что заставляло женщину жестикулировать

все ожесточеннее. Повышать голос она, по всей видимости, считала дурным тоном, поэтому со стороны сцена выглядела весьма комично.

Женщина загородила проход через вертушку, поэтому Гурову пришлось слегка подвинуть ее в сторону. Он вежливо извинился и собрался пройти мимо, но дежурный вдруг оживился.

— Товарищ полковник, тут у нас проблемка возникла, — сказал он. — Посодействуйте!

— Какая? — нехотя спросил Гуров.

Капитана Севрюжного, который нес сегодня дежурство, он недолюбливал за странную манеру общения, больше смахивающую на подхалимаж, и за патологическое нежелание работать.

— Да вот заявительница у нас. Говорит, дочь у нее пропала, — ответил капитан.

— Отправьте ее к следователю, — сказал Гуров и пожал плечами. — Кто сегодня дежурит?

— В том-то и дело, что он занят. У него уже очередь из заявителей. — Капитан махнул рукой в сторону коридора, где сидели в креслах три человека. — А гражданка утверждает, что ей срочно. Что делать-то?

— Позвони генералу, пусть он распорядится, — совершенно серьезным тоном посоветовал ему Гуров и пошел в кабинет.

Эти слова вышли ему боком. Олух Севрюжный реально позвонил генералу и попросил помощи. Тот в свою очередь поллюбопытствовал, кто надоумил капитана обратиться к нему, получил честный ответ и тут же решил достойно ответить на такую шутку.

Не успел Гуров папки на столе разложить, как в дверях появился капитан Севрюжный, весьма довольный собой.

— Лев Иванович, товарищ генерал велел это дело вам поручить, — заявил он и втолкнул в кабинет вконец растерявшуюся женщину.

С этого и начались проблемы. Отказать генералу Гуров никак не мог, поэтому усадил заявительницу на стул для посетителей и начал задавать стандартные вопросы. Он попросил ее представиться, изучил паспорт, предъявленный для

подтверждения личности, внес данные в протокол и попросил изложить суть проблемы. От дежурного он уже слышал, что у этой женщины пропала дочь, но надеялся на то, что ему повезет, этот случай окажется банальной семейной размолвкой. Такое часто случается. Дети, достигнув совершеннолетия, начинают считать, что больше не нуждаются в опеке родителей, и пускаются во все тяжкие.

Ему не повезло. Мать с дочерью не ссорилась. Та не устраивала демаршей со сбором сумок и угрозами больше никогда не возвращаться в родительский дом.

Помимо этого, обнаружилась другая, куда более реальная проблема. В ходе разговора выяснилось, что дочь, как и сама заявительница, на постоянной основе проживает в городе Мурманске. По факту выходило, что пропала она именно оттуда, да и вся история началась в этом заполярном портовом городе, а вовсе не в столице. На то, чтобы это выяснить, у Гурова ушло больше получаса. От волнения женщина путалась, перескакивала с одного на другое. Ее рассказ звучал настолько сбивчиво, что в итоге сыщику пришлось прервать заявительницу.

— Я понимаю ваше волнение, но так дело не пойдет, — проговорил он, положив руку на ее сцепленные ладони. — Для того чтобы я мог вам помочь, мне нужна четкая картина всего того, что произошло. Вы это понимаете?

— Понимаю. Я и пытаюсь ничего не упустить. Видимо, получается плохо. — Женщина изо всех сил старалась сдержаться, но не смогла.

Она не зарыдала, не стала закрывать лицо ладонями, заламывать руки или раскачиваться из стороны в сторону. Слезы обильным потоком полились по ее щекам, а она просто сидела и ждала, пока поток иссякнет. Это лишь подчеркивало всю степень отчаяния женщины.

Гуров выдвинул верхний ящик стола, достал коробку с салфетками, сунул ей в руку. Она машинально обхватила ее ладонью и продолжила сидеть без движения.

Полковник поднялся, налил из графина воды в стакан, протянул женщине.

— Выпейте! — приказал он. — Весь стакан.

Она послушно выпила воду.